

© 2000 г.

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМЕНИ АРИФРОНА НА ОСТРАКА

Среди почти девяти тысяч острака (глиняных черепков, сохранившихся от знаменитых афинских остракофорий), найденных в 1960-х годах немецкими археологами на внешнем Керамике и только теперь понемногу вводимых в научный обиход, имеются, как недавно выяснилось, три остракона, направленные против некоего Арифрона, сына Ксантиппа¹. Д. Льюис идентифицировал этого Арифрона как известного из письменных источников брата Перикла (имя и патроним совпадают)², что привело его к ряду заключений, действительно, закономерно вытекающих из такого отождествления. Прежде всего имя Арифрона на острака укрепило исследователя в мнении, что острака с Керамика, как уже не раз предполагалось в последние годы³, следует датировать 470-ми годами до н.э., временем после похода Ксеркса, привязав их к гипотетическому второму остракизму Алкмеонида Мегакла, сына Гиппократы (Lys. XIV. 39). Аргументы, выдвигавшиеся ранее в защиту подобного пересмотра датировки, не казались особенно вескими; ряд специалистов, в том числе и автор этих строк, предпочли придерживаться традиционной хронологии, относя рассматриваемые памятники к 480-м годам до н.э.⁴

Появление на острака имени Арифрона, сына Ксантиппа и брата Перикла, могло бы стать решающим доводом. В самом деле, в 480-х годах Арифрон, будучи несовершеннолетним, никоим образом не мог оказаться в числе «кандидатов» на изгнание. К тому же, по мнению Льюиса, только после смерти самого Ксантиппа возможно было появление среди таких «кандидатов» его сына. Последнее же упоминание о Ксантиппе в источниках (Herod. IX. 120–121) приходится на весну 478 г. до н.э. (Thuc. I. 89.2)⁵. Еще один вывод, предлагаемый Льюисом, состоит в том, что вначале в качестве политического преемника Ксантиппа – одной из наиболее весомых фигур в афинской

¹ *Willemsen F., Brenne S. Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // MDAI (A). 1991. 106. S. 150.* В предыдущем перечне острака с Керамика, опубликованном Р. Томсеном (*Thomsen R. The Origin of Ostracism. Copenhagen, 1972*), эти черепки еще не значатся.

² *Lewis D.M. Megakles and Eretria // ZPE. 1993. 96. S. 51.*

³ *Bicknell P.J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // L'Antiquité classique. 1975. V. 44. № 1. P. 172–175* (при этом Бикнелл отказался от собственных, ранее высказанных взглядов, см. *idem. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 64–76*); *Willemsen F. Ostraka einer Meisterschale // MDAI(A). 1991. 106. S. 144*; *Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // MDAI(A). 1992. 107. S. 162*; *idem. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 21–22.*

⁴ *Williams G.M.E. The Kerameikos Ostraka // ZPE. 1978. 31. S. 103–113*; *Phillips D.J. Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. 83. S. 138*; *Lang M.L. Ostraka. Princeton, 1990. P. 5*; *Суриков И.Е. Острака как источник по истории раннеклассических Афин // Античный вестник. Вып. 3. Омск, 1995. С. 109; см. же. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 145. Не пришел к однозначному мнению по этому вопросу крупнейший специалист по истории остракизма А. Раубичек: *Raubitschek A.E. Megakles, gehetzt nach Eretria! // ZPE. 1994. 100. S. 381–382.**

⁵ По мнению Дж. Дейвиса, смерть Ксантиппа приходится на середину 470-х годов (*Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 459 f.*).

общественной жизни начала V в. до н.э. – рассматривался именно Арифрон, а не прославившийся впоследствии Перикл, в то время еще не подвергавшийся угрозе остракизма⁶.

Таким образом, три небольших черепка повлекли за собой целую цепь импликаций. Очевидно, для того, чтобы установить степень их достоверности, следует прежде всего выяснить, насколько оправданна сама интерпретация Льюисом имени Арифрона на острака, можем ли (и должны ли) мы безоговорочно отождествить его с братом Перикла (РА. 2204), или же в нашем распоряжении есть какие-либо альтернативы. Единственным способом такой проверки является анализ свидетельств источников об Арифроне. Таких свидетельств очень немного; в значительной части они уже собраны в просопографических сводах Кирхнера и Дейвиса, в связи с чем остается лишь обобщить эти данные.

Обычно Арифрон считается старшим сыном Ксантиппа. В пользу этого, действительно, говорит тот факт, что ему было дано имя деда с отцовской стороны. Впрочем, однозначно утверждать, что Арифрон был старше Перикла, мы не можем. В 472 г. до н.э., вскоре после смерти Ксантиппа, Перикл, а не Арифрон, исполнял литургию (хорегию при постановке эсхилловских «Персов», IG. II². 2318. 9–11); видимо, именно он получил основную часть отцовского наследства. По сообщению Платона (Alc. I. 104b, 118c, 124c; Prot. 320a), Перикл, а не Арифрон, был опекуном осиротевшего в детстве Алкивиада⁷ и его младшего брата Клиния; впрочем, последнего Перикл на некоторое время передал на воспитание Арифрону. Правда, оратор Антифонт (fr. 67 Blass, ap. Plut. Alc. 3) называет опекуном Алкивиада Арифрона, однако делает это в крайне тенденциозном, дискредитирующем Алкивиада контексте. «Не следует... верить всей этой хуле, исходящей от врага, который нимало не скрывал своей ненависти к Алкивиаду» (пер. С.П. Маркиша), – замечает Плутарх, пересказав этот анекдот. Сам же биограф (Plut. Alc. 1) называет опекунами Алкивиада обоих – Перикла и Арифрона (именно в таком порядке). Об «опекунах» Алкивиада говорит и Лисий (XIX. 52).

Итак, невозможно с точностью установить, кто из двух сыновей Ксантиппа был старшим. В сущности, это и не имеет большого значения, поскольку в любом случае ясно, что Перикл и Арифрон были почти ровесниками. Повсюду они выступают вместе, как люди одних лет. В принципе нельзя исключать даже, что они были близнецами.

Важнее всего для нас было бы знать с возможной точностью время рождения Арифрона. Однако скудные сохранившиеся данные о его жизни (а мы привели решительно все) не позволяют сделать этого. Приходится пойти путем косвенных соображений, прибегнув к ряду хронологических калькуляций. Нам могла бы помочь дата рождения Перикла, будь она известна, но, к сожалению, и в ее отношении полной ясности нет⁸.

Будем исходить из того, что ни Перикл, ни Арифрон не могли родиться ранее брака их родителей – Ксантиппа и Агаристы (Herod. VI. 131). В таком случае первоочередной задачей становится определить время этого брака. Дж. Дейвис относит его приблизительно к 496 г. до н.э., не давая специальной аргументации⁹. На наш взгляд, датировка эта верна и аргументы в ее пользу имеются. Как известно, обычным брачным возрастом для мужчины считался тридцатилетний¹⁰; более ранние браки вы-

⁶ Известны четыре остракона с именем Перикла (Lang. Op. cit. P. 98; Willemsen, Brenne. Op. cit. S. 155), два из которых опубликованы М. Лэнг. Один из этих двух относится к середине V в. до н.э., другой имеет более архаичную палеографию, что пока не получило удовлетворительной интерпретации.

⁷ Отец Алкивиада Клиний погиб в битве при Коронее в 447 г. до н.э. (Plut. Alc. 1; о дате битвы см. Строевский В.М. Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 151–152).

⁸ От 494 г. (Дейвис) до 500 г. или даже раньше (Fornara Ch. W., Samons L.J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P. 24).

⁹ Davies. Op. cit. P. 459 f. Соответственно, рождение Арифрона Дейвис датирует 495 г.

¹⁰ Just R. Women in Athenian Law and Life. L. – N.Y., 1988. P. 151.

звали у окружающих некоторое удивление, если они не были вынуждены обстоятельствами (Dem. XL. 4, 12–13, 56). Жена была, как правило, моложе мужа, зачастую – намного¹¹. Следовательно, необходимо установить год рождения Ксантиппа. Сделать это возможно, и попытки такого рода уже предпринимались: так, согласно Шеферу и Энгелю, Ксантипп родился около 520 г. до н.э.¹², Дейвис придерживается более широкой датировки – 10–15 лет до 520 г.¹³

В свое время П. Бикнелл выдвинул очень интересную гипотезу, согласно которой Ксантипп был по матери Алкмеонидом¹⁴. На эту мысль исследователя навел тот факт, что в тексте эпиграммы, сохранившейся на самом, пожалуй, известном остраконе с агоры¹⁵, Ксантипп именуется ἀλειτρός (оскверненным, проклятым). Этот эпитет (в позднейшей форме ἀλιτήριος) прилагается античными авторами к Алкмеонидам в связи с Килоновой скверной¹⁶. Недавно гипотеза Бикнелла получила новое, очень веское подтверждение (несомненный Алкмеонид Мегакл назван на нескольких остраках ἀλειτρός¹⁷) и может считаться доказанной.

Около 546 г. до н.э. Алкмеониды были изгнаны Писистратом из Аттики и смогли вернуться лишь после смерти тирана, т.е. не ранее 527 г., когда Гиппий обратился к политике примирения со знатными родами¹⁸. Семья, к которой позже принадлежали Перикл и Арифрон, при Писистрате оставалась в Афинах и пользовалась расположением правителя, как будет показано ниже. Таким образом, брак Арифрона, отца Ксантиппа, с безымянной представительницей рода Алкмеонидов мог быть заключен, самое раннее, в 527 г. Мы имеем, следовательно, terminus post quem для рождения Ксантиппа – 526 г. до н.э., а это-то для нас в данном случае и важно. Прибавив тридцать лет, обнаруживаем, что самая ранняя возможная дата для брака Ксантиппа и Агаристы – 496 г. Датировка Дж. Дейвиса оказалась совершенно верной и стало быть, Арифрон, даже если он был первенцем, родился в 495 г. до н.э. или позже.

Попробуем проверить полученную дату, так сказать, с другой стороны, рассмотрев хронологию ближайших потомков Арифрона. Единственный известный из источников его сын носил (в честь прадеда с материнской стороны) имя Гиппократ (РА. 7640). Этот Гиппократ в первый период Пелопоннесской войны дважды (в 426/5 и 424/3 гг. до н.э.) входил в коллегии стратегов¹⁹. В ходе своей второй стратегии он погиб, команду афинским контингентом в сражении при Делии²⁰. Оставшиеся после его смерти три малолетних сына – Телесипп, Демофонт и Перикл (Schol. Aristoph. Nub. 1001) – по достижении совершеннолетия судились со своим опекуном (очевидно, по вопросу о наследстве), причем речь для опекуна написал Лисий (Lys. fr. 124 Sauppe), начало судебной деятельности которого приходится, как известно, на 403 г. до н.э.

¹¹ Соответственно, рождение Агаристы Дейвис (Op. cit. P. 368 ff.) относит к 520–510 гг.

¹² Schaefer H. Xanthippos // RE. Reihe 2. Hlbd 18. 1967. Sp. 1343–1346; Engel R. Xanthippos // Der Kleine Pauly. Ht 26. 1975. Sp. 1400–1401.

¹³ Davies. Op. cit. P. 459 f.

¹⁴ Bicknell. Studies... P. 83; idem. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd 23. Ht 2. S. 162–163.

¹⁵ Этот памятник имеет уже довольно значительную библиографию. Из последних работ см. Merkelbach R. Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // ZPE. 1986. 62. S. 57–62; Figueira T.J. Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // Historia. 1986. Bd 35. Ht 3. S. 257–279.

¹⁶ Thuc. I. 126. 11; cf. Andoc. I. 130–131; Lycurg. Leocr. 117. См. Raubitschek A.E. The Ostracism of Xanthippos // American Journal of Archaeology. 1947. V. 51. № 3. P. 257–262; Lévêque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien. P., 1964. P. 113–117; Piccirilli L. Temistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987; Cromey R.D. The Mysterious Woman of Kleitor // American Journal of Philology. 1991. V. 112. № 1. P. 87–101.

¹⁷ Brenne. Ostraka... P. 16–17; Суриков. По поводу новой публикации... С. 143–144.

¹⁸ Littman R.J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N.Y., 1990. P. 106–117; Camp J. Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // The Archaeology of Athens and Attica... P. 7.

¹⁹ Fornara Ch.W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P. 47 ff.

²⁰ Thuc. IV. 101. 2; Xen. Mem. III. 5.4; Plut. Nic. 6; Paus. III. 6.1; IX. 6.3.

(дело Эратосфена)²¹. Судя по тому, что все трое выступали вместе, как одна тяжущаяся сторона, братья были почти ровесниками.

Срок давности по делам о наследствах и опеках в Афинах ограничивался пятью годами (Dem. XXXVIII. 17–18)²², правда, не ясно, со времени достижения подопечным совершеннолетия (18 лет) или со времени получения им права возбуждать судебные иски (20 лет).

В целях верификации выдвинутого выше тезиса о дате рождения Арифрона сделаем максимальное количество односторонних допущений не в его пользу. Допустим, во-первых, что процесс детей Гиппократов относится к самому началу карьеры Лисия как логографа, т.е. к 403 г. до н.э. Предположим, далее, что срок давности отсчитывался с того момента, когда младшему из братьев исполнилось 20 лет, и, наконец, что иск был возбужден непосредственно перед истечением срока давности. В таком случае рождение младшего сына Гиппократов придется на 428 г. до н.э. Скорее всего, в действительности он родился несколькими годами позже, совсем незадолго до гибели отца, поскольку совпадение всех трех предложенных нами допущений маловероятно. Таким образом, Телесипп, старший из сыновей, родился вряд ли раньше 430 г. Это позволяет определить примерное время рождения его отца – 460 г. или, самое большее, на несколько лет раньше. К той же дате приводит и срок первой известной стратегии Гиппократов – 426/5 г. В то время сыну Арифрона должно было быть, согласно афинской практике, тридцать с небольшим.

Брак самого Арифрона, согласно этим вычислениям, должен приходиться на середину 460-х гг., что опять-таки подразумевает время его рождения – в середине 490-х гг. Анализируя хронологию «снизу», мы пришли к той же самой датировке, что и рассматривая ее «сверху».

Итак, Арифрон, сын Ксантиппа и брат Перикла, родился около 495 г. и никак не раньше. В таком случае закономерен вопрос: могло ли его имя появиться на остраке с Керамика, даже если относить их к неизвестной остракофории 470-х гг.? Нижней возможной датой для такой остракофории являлся бы известный из письменных источников остракизм Фемистокла, датировка которого колеблется от 473 г.²³ до 470 г.²⁴

Появление в качестве «кандидата» на изгнание двадцатилетнего юноши, только что обретшего гражданские права, а то и несовершеннолетнего²⁵, в высшей степени маловероятно. Правда, известно, что Кимон, сын Мильтиада, подвергался угрозе остракизма, не достигнув тридцатилетнего возраста²⁶. Но Кимон был фигурой совершенно иного масштаба, нежели Арифрон. В 480-х годах, после смерти отца, молодой Филаид, по сообщению Плутарха (Сим. 4), уже «пользовался в городе дурной славой» – по целому ряду причин, на которых здесь не место останавливаться. В частности, играли свою роль сплетни о его сожительстве с сестрой (факт существования таких сплетен недавно был подтвержден публикацией остракона с надписью «Пусть Кимон, сын Мильтиада, взяв Эльпинику, убирается»²⁷).

Итак, вряд ли Арифрон, сын Ксантиппа, упоминаемый на остраке, идентичен брату Перикла. Следует попытаться найти более приемлемую идентификацию, причем, как

²¹ *Соболевский С.И.* Лисий и его речи // Лисий. Речи. 2-е изд. М., 1994. С. 37.

²² О сроке давности см. *Глушкина Л.М.* Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н.э. по судебным речам демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи в трех томах. Т. 2. М., 1994. С. 424.

²³ *Lenardon R.J.* The Chronology of Themistokles' Ostracism and Exile // *Historia*. 1959. Bd 8. Ht 1. S. 48; *Piccirilli*. Op. cit. P. 13.

²⁴ *Badian E.* From Plataea to Potidaea. Baltimore, 1993. P. 88.

²⁵ Если вслед за П. Бикнеллом датировать острака с Керамика годом-двумя после победы над Ксерксом (Was Megakles... P. 175).

²⁶ *Суриков.* По поводу новой публикации... С. 145.

²⁷ *Суриков И.Е.* Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // Античный мир и его судьбы в последующие века. Докл. конф. М., 1996. С. 46–47.

показывает ономастика, в рамках той же семьи. Арифрон – исключительно редкое в Афинах имя, вплоть до эллинистической эпохи зафиксированное только у Бузигов. Единственной реальной альтернативой здесь является Арифрон, отец Ксантиппа и дед Перикла (РА. 2203), известный только по имени²⁸. Патроним этого Арифрона мы не знаем, зато знаем другое: в рассматриваемой нами семье весьма педантично соблюдался обычай называть старшего сына именем деда (помимо приведенных выше примеров напомним еще, что старший сын Перикла носил имя Ксантипп – тоже по деду). Иными словами, очень велика вероятность того, что полное имя деда Перикла было «Арифрон, сын Ксантиппа». Никаких сведений о его жизни и деятельности не сохранилось, но если исходить из обоснованной нами даты его брака, он должен был родиться около 560–555 гг. до н.э.

Именно к этому Арифрону (единственному в VI в. известному из нарративных источников) принято относить²⁹ упоминание в интересном, но редко привлекающем внимание исследователей тексте – фрагменте философского диалога неизвестного автора позднеклассической или раннеэллинистической эпохи, сохранившемся на одном из оксиринхских папирусов (Р. Оху. IV. 664)³⁰. Действие диалога происходит при дворе Писистрата, темой, насколько можно судить, являются достоинства и недостатки тирании как формы правления. В качестве одного из действующих лиц наряду с самим тираном выведен некий Арифрон, по его собственным словам, недавно побывавший у Периандра в Коринфе. К сожалению, сразу после этого связный текст обрывается.

Из некоторых нюансов реплики Арифрона можно заключить, что он был у коринфского тирана (умершего, как известно, в 585 г. до н.э.) в последние годы его правления, и вряд ли в ранней молодости. Следовательно, он родился не позднее 620–615 гг. до н.э., но и не раньше, поскольку в 550-е годы он еще беседует с Писистратом. Данный Арифрон, таким образом, никак не может быть отождествлен с дедом Перикла, но несомненно происходил из той же семьи и являлся, судя по разнице в возрасте, дедом этого последнего, носившим, как и было принято у Бузигов, то же имя, что и внук.

Разумеется, возникает резонный вопрос: насколько корректно использование в целях историко-генеалогической реконструкции данных такого своеобразного памятника, как философский диалог с его неизбежной *licentia poetica*? Отвечая на этот вопрос, следует указать, что даже в диалогах Платона – мыслителя, не отличавшегося акрибией, характерной для Аристотеля и перипатетиков, – просопографический материал, как правило, абсолютно надежен. Кроме того, если допустить, что автор рассматриваемого фрагмента не имел в своем распоряжении аутентичного источника, совершенно непонятным окажется, откуда вообще появляется у него имя Арифрон, не принадлежавшее ни одному крупному деятелю афинской истории. Прибавим еще, что подразумеваемая в упоминавшемся тексте близость Бузигов к Писистратидам прослеживается и по другим источникам. Так, согласно позднеантичному ритору Гимерию (Or. XXXIX.2), Анакреонт в одном из стихотворений упоминал Ксантиппа (отца Перикла)³¹. Анакреонт же в бытность свою в Афинах занимал положение придворного поэта Гиппия и Гиппарха (Plat. Hipparch. 218bc).

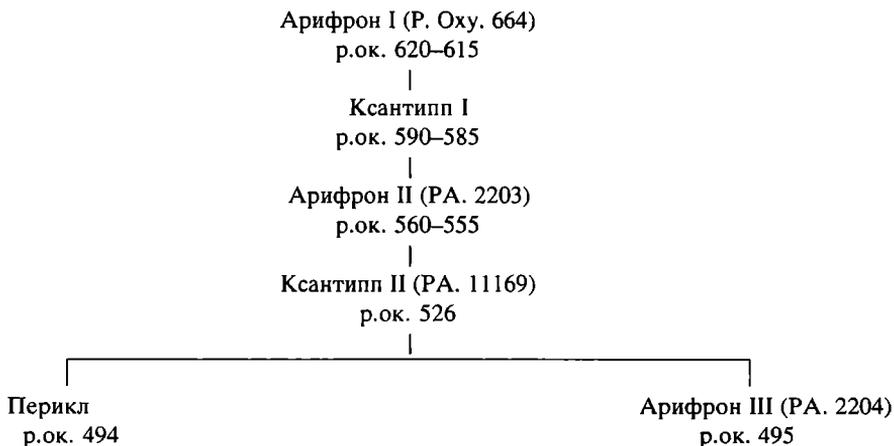
На основании вышеизложенного можно попытаться построить следующую уточненную стемму предков Перикла:

²⁸ *Herod.* VI. 131, 136; VII. 33; VIII. 131; *Arist. Ath. pol.* 22.6; *Diod.* XI. 27.3; *Paus.* III.7.9.

²⁹ *Figueira.* Op. cit. S. 257 ff.

³⁰ Издатели фрагмента Гренфелл и Хант относят диалог к кругу Аристотеля (*The Oxyrhynchus Papyri* / Ed. B.P. Grenfell, A.S. Hunt. Pt IV. L., 1904. P. 72).

³¹ *Hafner G.* Anakreon und Xanthippos // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.* 1956. Bd 71. Ht 1. S. 1–28.

Попробуем верифицировать предложенную гипотезу. Мог ли Арифрон, дед Перикла, упоминаться на острака? В 480-х годах ему должно было быть около 70 лет – возраст солидный. Однако на острака того же времени есть более сотни упоминаний Гиппократ, сына Алкмеонида³². А этот Гиппократ, принадлежавший к роду Алкмеонидов, родился, как показал А. Раубичек на основании эпиграфических данных³³, около 560–550 гг., т.е. точно тогда же, когда и Арифрон. Таким образом, даже политический деятель в достаточно преклонных годах вполне мог оказаться настолько ненавистным некоторым из своих сограждан, чтобы они пожелали его изгнания. Кстати, наряду с именем Гиппократ мы находим на острака и имя его сына – Мегакла, сына Гиппократ, сына Алкмеонида³⁴. Другой пример того же рода – Андокид, сын Леогора, и Леогор, сын Андокида³⁵, вне всякого сомнения, отец и сын, принадлежащие к прославленной в Афинах семье оратора Андокида. Иными словами, вопреки Льюису, представители двух поколений одной семьи *могли* одновременно быть в числе «кандидатов» на остракизм. А вот если мы отнесем острака с Керамика к 470-м годам, появление на них Арифрона, деда Перикла, окажется практически невозможным. Если даже он был еще в живых в это время, ему должно было быть больше восьмидесяти лет. Вряд ли столь глубокий старец мог у кого бы то ни было вызывать опасения.

Подчеркнем, что предложенная нами идентификация Арифрона является гипотетичной (хотя, насколько можно судить, имеющей серьезные основания). В случае, если гипотеза подтвердится, она повлечет за собой два немаловажных следствия. Во-первых, несколькими новыми персоналиями пополнится корпус аттической просопографии. При этом речь идет не о какой-то незначительной семье, а о роде Бузигов, конкретно – о той его ветви, к которой принадлежал Перикл. В раннюю историю этого рода будет внесен ряд небезынтересных штрихов. Во-вторых, – что особенно важно для автора данной работы, – прибавится весомый аргумент в пользу традиционной, но ныне оспариваемой датировки острака с Керамика 480-ми годами до н.э. Очевидно, все же наиболее обоснованно относить эти памятники к той остракофории, жертвой которой стал Мегакл, сын Гиппократ (487 г.).

И.Е. Суриков

³² Lang. Op. cit. P. 50–61; Willemsen, Brenne. Op. cit. S. 151.

³³ Raubitschek A.E. Dedications from the Athenian Acropolis. Cambr. Mass., 1949. P. 338–340.

³⁴ Willemsen, Brenne. Op. cit. S. 153.

³⁵ Ibid. S. 149, 152.

Ariphron son of Xanthippos mentioned on three Kerameikos ostraka cannot be Perikles' brother (PA 2204), as D.M. Lewis suggested, even if one assumes a later date of the Kerameikos deposit. Ariphron in question, born ca 495 B.C., was about 20 years old in 470ies, and it would have been quite improbable to find him among the nominees at an ostrakophoria. The only alternative is Ariphron, Xanthippos' father (PA 2203), whose patronymic, although unknown, was most likely *Xanthippou*. This Ariphron was in his seventies during the first ostracisms – an age by no means impossible for a nominee (cf. Hippokrates, son of Alkmeonides). But an appearance of his name on ostraka in 470ies is hardly conceivable. So 480ies (and probably 487) is a preferable date.

© 2000 г.

ПРИМЕНИМОСТЬ ПОНЯТИЯ РЕВОЛЮЦИИ К РЕФОРМАМ АГИДА, КЛЕОМЕНА И НАБИДА В СПАРТЕ

1. Отмечалось, что история эпох, предшествующих Новому времени, предполагает диалог между нынешними историками и предметом их исследования. Действительно, интерпретация античной истории заключается в применении категорий социологии к явлениям, происходившим в принципиально иных условиях. Эта процедура просто неизбежна, поскольку античную историю нельзя постичь с помощью современных ей терминов. Эти обстоятельства еще более усугубляются, когда историки пытаются понять факты, тесно связанные с идеологией, например, революции.

В данной статье я попытаюсь охарактеризовать реформы, которые проводили в Спарте Агид, Клеомен и Набид в 242–192 гг. до н.э., а также рассмотреть, каким образом историкам античности следует применять к ней современные понятия. Я неоднократно доказывал, что Плутарховы жизнеописания Агида и Клеомена, важнейший источник по реформам этих царей, нельзя принимать на веру¹, и поэтому также попытаюсь показать, что, даже если считать надежными сомнительные свидетельства Плутарха, понятие революции плохо подходит для определения этих реформ, равно как и реформ Набида.

Я начну с напоминания наиболее значимых фактов. Согласно Плутарху, Агид IV, царь из династии Еврипонтидов в уникальной спартанской диархии, отменил долги, но был убит, ничего более не достигнув. Тот же биограф сообщает, что через 15 лет Клеомен III, царь из династии Агиадов, не только вновь аннулировал долговые обязательства, но и осуществил аграрную реформу, разделив землю между 4500 спартиатами, большинство из которых получили этот статус в ходе реформы. Наконец, спустя почти 30 лет анархии и смуты появился самозванный царь Набид, проведший те же реформы, что и Клеомен. Кроме того, он принудил жен и дочерей лишенных имущества богатых землевладельцев вступить в брак с лицами, получившими их собственность².

Чтобы как-то осмыслить эту информацию, необходимо использовать современные понятия. Конечно, у древних греков были свои слова и понятия для их истолкования;

¹ Lacy R.M. Plutarco de Queronea, *Vidas de Agis y Cleómenes*. México, 1987. P. XXXI–XLIII.

² Ср. Marasco G. *Commento alle biografie plutarchee di Agide e di Cleomene*. V. 1–2. Roma, 1981 (с моей рецензией: Nova Tellus. 1985. 3. P. 273–294); Lacy. Plutarco...; Cartledge P., Spawforth A. *Hellenistic and Roman Sparta. A Tale of Two Cities*. L., 1989. P. 38–90.